DOI 10.15826/izv2.2016.1.020
УДК 378.6(470.62) + 7.03 + 7.05

**Г. В. Малясова**
*Московский архитектурный институт (Государственная академия)*
Москва, Россия

# ЕКАТЕРИНОДАРСКИЕ ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СВОБОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ В 1920–1922 гг.

В статье на основе архивных документов впервые делается попытка восстановить историю первой высшей художественной школы Кубани — Екатеринодарских (Кубанских) Высших государственных свободных художественных мастерских — как части общегосударственного проекта по созданию сети художественных школ нового типа. Опираясь на выявленные и тщательно проанализированные источники, автор раскрывает суть данного эксперимента, прослеживает этапы его развития, выявляет истоки, доказывая, что он возник не столько на волне «революционного романтизма», сколько на почве вполне объективных требований нового времени, зарождавшихся и формировавшихся еще в конце XIX — начале XX в. Наряду с последовательно изложенной историей реформы мастерских показывается ряд ярких региональных ее особенностей — таких как успешное сочетание преемственности традиций дореволюционной школы с активным принятием новаторских принципов СГХМ, а также полное отсутствие политических мотивов, идей и конфликтов в реформе школы, довольно нетипичное для периода Гражданской войны в России. Одной из основных целей автора является попытка доказать, что период СГХМ дал начало современной государственной системе художественного образования, прямым наследником которой сегодня является Краснодарское художественное училище. Отдельно подчеркивается роль в преобразовании Кубанского художественного училища в свободные мастерские Петра Степановича Краснова, руководившего училищем с момента его создания в 1911 г. и много сделавшего не только для его сохранения, но и для последовательного и непрерывного развития в ногу со временем, независимо от политических и идеологических изменений в стране.

© Малясова Г. В., 2016

К л ю ч е в ы е  с л о в а: Свободные государственные художественные мастерские; история художественного образования; Екатеринодарские (Кубанские) Высшие государственные свободные художественные мастерские; Кубань; Екатеринодар.

Екатеринодарские (Кубанские) Высшие государственные свободные художественные мастерские (ВГСХМ) сегодня являются одной из наименее изученных региональных художественных школ. В последние годы намного больший интерес исследователей в регионе вызывал более ранний период существования этой художественной школы — дореволюционное Кубанское художественное училище. Его послереволюционная история рассматривалась в большей степени в периоды, когда город находился в руках белой армии — в это время оно носило свое дореволюционное название и было организовано по традиционным академическим принципам. История училища рассматривалась в общем контексте художественного образования края, наряду с другими художественными и музыкальными учебными заведениями Екатеринодара и других городов [Аравин]. Исследования, последовательно рассматривающие историю этой художественной школы [Денисенко, Шабров; Филиппова], ограничиваются лишь краткими упоминаниями о периоде Свободных государственных художественных мастерских (СГХМ). Кроме того, растущий в последние годы интерес к системе СГХМ был в значительной степени связан с изучением школ художественного авангарда — и здесь, по причине своей классической направленности, Екатеринодарские ВГСХМ оказались вне поля зрения исследователей. Тем не менее, эта школа стала ярким явлением в художественной жизни края и, безусловно, заслуживает более тщательного изучения. Именно в этот период она становится частью уникального общегосударственного эксперимента по созданию художественных школ нового типа, который, в итоге, привел к формированию Московского ВХУТЕМАСа как художественного центра мирового значения.

О существовании СГХМ в Екатеринодаре было известно из списков СГХМ в отчетных материалах Наркомпроса, опубликованных в книге «Советское искусство за 15 лет» [Советское искусство за 15 лет, с. 75–76, 155], там же было указано и имя уполномоченного мастерских, но более подробных сведений об этой школе в литературе не приводилось. Однако за последние годы в ходе работы в ГАРФ в материалах Главпрофобра (Ф. 1565) автору удалось выявить ряд материалов, раскрывающих историю школы в первые годы после установления в Екатеринодаре советской власти и реформирования художественного образования в соответствии с принципами создававшейся в это время системы Свободных государственных художественных мастерских — СГХМ. В рамках этой общегосударственной реформы Кубанское художественное училище было реорганизовано в Екатеринодарские ВГСХМ и заняло важное место в сети государственных художественных школ этого периода.

Интересно, что по времени реформирование училища в 1920 г. совпадает с очередным этапом реформы уже существовавших в государстве СГХМ. До 1920 г. они не имели статуса высших учебных заведений, отмененного в 1918 г.

во всех образовательных учреждениях. Также до 1920 г. в школах этого типа отсутствовали единые программы. Они представляли собой союз независимых друг от друга мастерских, программу каждой из которых определял ее непосредственный руководитель — мастер — в процессе работы вместе с учениками-подмастерьями. Кроме того, были отменены вступительные и выпускные испытания, а также все звания и документы, получаемые при окончании мастерских.

После Всероссийской конференции учащих и учащихся СГХМ, состоявшейся в июне 1920 г., от этой системы решено было отказаться. Московские Первые и Вторые СГХМ в сентябре 1920 г. были объединены в Высшие художественно-технические мастерские — знаменитый ВХУТЕМАС, первое высшее художественное учебное заведение советской России. ВХУТЕМАС возвращает многие черты традиционной системы художественного образования — единую структуру мастерских, деление на курсы и специальности, общие для мастерских учебные планы. По этому образцу начинают реформироваться и региональные СГХМ [Малясова, 2015б, с. 56].

Решение о реорганизации Кубанского художественного училища в соответствии с новыми веяниями было принято еще в мае 1920 г. — «с приходом Советской власти и образования при Отнаробе подотдела искусств — вопрос о реформировании Художественного училища был поставлен наряду с ближайшими целями и задачами секции Изобразительных искусств и Совету училища было поручено составить предварительный проэкт преобразования Училища» [ГАРФ, ф. 1565, оп. 9, д. 40, л. 8]. Но вскоре, «ввиду поступивших новых сведений из центра относительно реформ Художественных Училищ вообще», было принято решение «вторично пересмотреть и переработать проэкт — откинуть местные особенности и создать схему реформы применительно к общему типу Государственных Художественных Мастерских по указанию и заданиям ответственных руководителей Секции и Подотдела Искусств» [Там же]. Таким образом, созданные в октябре 1920 г. Екатеринодарские ВГСХМ сразу становятся полем для реализации новейших веяний и принципов советского художественного образования, миновав при этом наиболее радикальный первый этап реформы советских художественных школ. При этом они сразу создавались как высшее художественное учебное заведение — статус, которым прежнее художественное училище не обладало, предполагавший больший масштаб новой школы. Таким образом, благодаря реформе, регион, никогда до этого не имевший традиции высшей художественной школы, выходил на новый уровень, оказываясь в одном ряду с крупными центрами архитектурно-художественного образования.

Из документов известны и имена реформаторов — в составлении проекта реформы Художественного училища принимали участие: «Представители Секции Изобразительных искусств — Заведующий Секцией — Художник Архитектор т. Юнгер, Художник т. Воинов, Архитектор т. Вайтенс, Инженер Архитектор т. Рыбин, Художник т. Марин, Представители Совета Училища т. Краснов, Художник т. Мочалов, Художники Прикладники — т. Курочкин, т. Старожилов и Представители Учащихся т. Воробьев, т. Золотухина и т. Резников» [ГАРФ, ф. 1565,

оп. 9, д. 40, л. 8 об]. Реформа предполагала создание «широко обставленного Учебного заведения Высшего типа с Мастерскими по Прикладным Искусствам». В течение учебного года планировалось открыть три мастерские по живописи (из них одна подготовительная по общему типу), одну — по архитектурному отделу, одну — по скульптурному, а также аудитории по специальным предметам — анатомии, перспективе, стилю, начертательной и аналитической геометрии (для архитекторов). Соответствующее расширение мастерских требовало новых помещений — «всего около 8–10 больших, светлых комнат, или зал» [Там же].

Одним из ранних документов этой реформы является выписка из протокола заседания коллегии Оботнароба (Областного отдела народного образования), посвященного рассмотрению и утверждению проекта реформирования училища в высшие художественные мастерские. Документ датируется 2 октября 1920 г. — временем становления на Кубани советской власти и ее институтов и встраивания существовавших в городе учреждений в структуру нового советского государства.

Кубанское художественное училище решением заседания коллегии Отнароба было официально распущено, педагогический и ученический состав должен был набираться заново — но набирался он фактически из педагогов и учеников действовавшего училища. Екатеринодарские ВГСХМ должны были начать работу уже 11 октября, т. е. не прерывая учебный процесс на время реформы. Временный состав Совета мастерских назначался из лиц: 1) художника Александра Петровича Мочалова, 2) художника Петра Степановича Краснова, 3) архитектора Александра Александровича Юнгера и 4) архитектора Андрея Петровича Вайтенса. Временному Совету было поручено в срочном порядке а) пригласить необходимый дополнительный состав преподавателей и штат служащих, б) выработать правила приема учащихся, в) открыть занятия в ВГХМ не позднее 11 октября, а проверочные испытания — не позднее 4 октября. Также временному Совету поручалось отправить в Центр делегацию с проектами и планами реформы для утверждения их Главпрофобром. На предварительные расходы по реформированию училища в Свободные мастерские была выделена сумма 1 000 000 руб. [Там же, л. 56].

Педагогический состав мастерских в значительной степени состоял из педагогов и сотрудников Кубанского художественного училища. В него входили: председатель Совета мастерских П. С. Краснов — выпускник Московского художественного училища и Высшего художественного училища Академии художеств, бывший заведующий Кубанским художественным училищем; секретарь Совета А. П. Вайтенс — художник-архитектор, выпускник Академии художеств; руководитель живописной мастерской и заместитель председателя Совета А. П. Мочалов — выпускник Академии художеств, удостоенный заграничной поездки и работающий в Кубанском художественном училище на протяжении двух лет [Там же, л. 50], лектор по истории искусств А. А. Юнгер — один из последних выпускников дореволюционной Академии художеств (окончил в июне 1917 г.) [Лисовский, с. 240], художник-архитектор и инженер; лектор по перспективе

Д. Н. Головнин — профессор Политехнического института, инженер; лектор по анатомии К. Н. Малиновский — профессор университета; а также управляющая делами Р. И. Афанасьева (служившая в Кубанском художественном училище) и библиотекарь Е. К. Малышевская [ГАРФ, ф.1565, оп. 9, д. 40, л. 50].

Как мы видим, несмотря на то, что, согласно официальной политике Наркомпроса, в СГХМ должны были быть максимально представлены все направления, течения и специализации современного искусства [Штеренберг, с. 53], все педагоги Екатеринодарских ВГСХМ были представителями традиционной академической школы, что и определило ее классическую творческую направленность и близкую к академической систему преподавания. Интересно, что именно очевидная преемственность Екатеринодарских ВГСХМ по отношению к Кубанскому художественному училищу позволила избежать конфликта между старым и новым, характерного для периода становления СГХМ в большинстве других регионов (в частности, подобными конфликтами сопровождалась организация СГХМ на базе дореволюционных художественных школ Казани, Екатеринбурга, Пензы [Алексеев], Костромы [Малясова, 2015а] — интересно, что в последнем случае конфликт закончился победой традиционного искусства, отзывом уполномоченного и сворачиванием эксперимента по реформированию школы в свободные мастерские), и дала возможность для более гибкого и более беспристрастного принятия новых форм и методов художественного образования и более последовательного проведения их в жизнь. Важную роль в мирном процессе реформирования сыграла внутренняя готовность школы к нововведениям, а также то обстоятельство, что инициатива по ее реформированию исходила от самих педагогов, а не вводилась распоряжением столичного Наркомпроса и силами командированных в город незнакомых с местными реалиями уполномоченных.

Реформу Кубанского художественного училища в свободные мастерские инициировал и возглавил Петр Степанович Краснов, руководивший училищем с момента его создания в 1911 г. [Денисенко, Шабров, с. 4]. Это один из немногих случаев, когда активным реформатором существующей в городе художественной школы становится прежний ее руководитель, хорошо знающий местные реалии, потенциал и возможности школы, и искренне желающий ее последовательного и непрерывного развития в ногу со временем и становлением нового государства, независимо от политических и идеологических изменений в этом государстве.

О ходе реформы и деятельности вновь созданного учебного заведения мы узнаем из доклада временного уполномоченного мастерских П. С. Краснова в отдел ИЗО Главпрофобра по итогам зимнего семестра (с 1 февраля по 1 мая 1921 г.) — официально первого семестра работы Екатеринодарских ВГСХМ[1]. Мастерские были утверждены столичным отделом ИЗО Наркомпроса, оттуда же командированным в Москву Красновым были привезены инструкции

[1] 7 декабря 1920 г. город был переименован в Краснодар, однако в переписке и отчетных документах мастерские продолжали именоваться Екатеринодарскими (реже — Кубанскими).

по переорганизации школы, к которой он и приступил 1 января 1921 г. Прежде всего была произведена перерегистрация учащихся и распределение их, в соответствии с новой структурой мастерских, между подготовительным отделением и единственным действовавшим в нем факультетом — живописным. Учащиеся старших групп были зачислены в подмастерья факультета (30 чел.), младших — в подготовительное отделение (52 чел.). При этом из более 200 человек, подавших заявления в мастерские, было принято 82 человека [ГАРФ, ф. 1565, оп. 9, д. 40, л. 12–12 об.]. Эти цифры свидетельствуют не только о востребованности мастерских, более чем вдвое превосходившей их реальные возможности, и, возможно, итогах введения вступительных испытаний, но и об определенных трудностях в организации новой высшей художественной школы.

Статус высшего учебного заведения, присвоенный Екатеринодарским ВГСХМ, предполагал создание на их базе масштабного комплексного художественного учебного заведения с различными факультетами и специальностями, как чисто художественными, так и художественно-техническими, которое «будет являться Художественным центром в Области» [Там же, л. 8 об.]. Помимо уже существовавшей в Кубанском художественном училище живописной специализации, ставшей базой для действовавшего живописного факультета, в ВГСХМ предполагалось создание архитектурного и скульптурного факультетов. Как мы знаем, два из четырех членов Временного совета мастерских были профессиональными архитекторами, поэтому будущий архитектурный факультет был, по меньшей мере, частично обеспечен квалифицированными педагогическими кадрами. Однако, по причине отсутствия соответствующего помещения, открытие новых факультетов было решено отложить до осени, а ученикам, подавшим заявления о приеме на эти факультеты, временно отказать. Тем не менее, эти заявления отдельно упоминаются в отчете мастерских как свидетельство востребованности новых специальностей, «открытие которых диктуется условиями насущной потребности края» [Там же, л. 12].

Также в феврале по предложению заведующего ИЗО Оботнароба П. С. Красновым был составлен проект организации производственной декоративной мастерской по технике — плакатной, стенной живописи и декоративно-театральной [Там же], которая также должна была обеспечивать потребности края в мастерах этих специализаций, а также возможности студентов стать мастерами максимально широкого профиля и кругозора и, в составе мастерских, выполнять сложные комплексные художественные заказы. Проект и сметы производственной декоративной мастерской были утверждены, но реализовать их удалось лишь частично — опять же, из-за отсутствия нужных помещений.

Кроме того, на ходе реорганизации существующего живописного факультета сильно сказалась трагическая гибель одного из его руководителей и заместителя председателя Совета создаваемых мастерских — молодого художника А. П. Мочалова, ученика Д. Н. Кардовского и лауреата Академии художеств. По свидетельству П. С. Краснова, «мастерские лишились ревностного, бескорыстного, талантливого и опытного педагога-художника, оставившего среди учащихся

и нас, его сотрудников, светлую неизгладимую память» [ГАРФ, ф. 1565, оп. 9, д. 40, л. 12]. А. П. Мочалов погиб во время командировки П. С. Краснова в Москву, пытаясь спасти задыхавшегося в помещении отопления истопника мастерских. По словам художника И. Н. Захарова, обследовавшего мастерские в мае 1921 г., гибель А. П. Мочалова стала следствием «полной заброшенности мастерских при разрешении отдельных хозяйственных затруднений, как было, например, при полнейшем расстройстве отопления мастерских в зиму, особенно суровую для Кубани, 1920–21 г., когда, после бесчисленных ходатайств перед различными инстанциями области, пришлось бороться с положением своими средствами; в результате чего погибли задушенные газом один из руководителей мастерских, художник Мочалов, и истопник» [Там же, л. 11–11 об.]. Сразу после гибели А. П. Мочалова, в январе 1921 г., в мастерских была устроена его посмертная выставка [Там же, л. 12].

Свидетельство И. Н. Захарова о бедственном материальном положении мастерских подтверждает и доклад П. С. Краснова: «Работа... протекала в условиях, в высшей мере ненормальных: помещение почти не отапливалось, было очень тесно, факультет и подготовительные отделения нельзя было изолировать, электричество не всегда горело, натурщики бросали позировать раньше намеченного срока, достать их было очень трудно, отсутствие красок не давало возможности поставить живописные работы нормально» [Там же].

Тем не менее, за отчетный зимний семестр было выполнено на 1 курсе 48 работ по живописи (на 17 подмастерьев по 3 законченных портрета и 1 незаконченному) и 63 — по рисунку (по 3 рисунка и ежедневные наброски), на 2 курсе — 25 работ по живописи (на 13 подмастерьев по 2 законченных портрета и 1 незаконченному) и 31 — по рисунку. На подготовительном отделении, также состоявшем из двух курсов, было выполнено на 1 курсе 103 работы (от 4 до 5 работ мертвой натуры) и на 2 курсе — 87 работ (по 2 портрета и 2 натюрморта) [Там же, л. 13]. В качестве работ по декоративной живописи мастерскими были выполнены свыше 20 плакатов к 1 мая (клеевая живопись на картоне, размер от 6 до 10 листов) — эта работа имела практическое значение для города, в ней участвовали подмастерья и частью студенты подготовительного отдела. Лабораторные работы по технике живописи, фактуры и поверхности, приготовлению холста, растирке красок и пр., планировавшиеся в виде отдельного курса, из-за отсутствия отдельного помещения проходили в порядке классных работ. Из специальных предметов читались только начертательная геометрия (на подготовительном отделе и живописном факультете, проф. Головин и Бабичев) и анатомия (на живописном факультете, проф. Малиновский), для остальных намеченных предметов не хватало помещений и педагогов [Там же, л. 12 об.].

К концу зимнего семестра из 82 учащихся мастерских осталось 72 — выбыли 6 студентов подготовительного отдела и 4 подмастерья живописного факультета [Там же] (интересна разница в терминологии — ученики мастерских факультета назывались подмастерьями — термин, использовавшийся в столичных и региональных СГХМ до осени 1920 г., в то время как учащиеся, набранные

на подготовительное отделение в новом 1920–1921 учебном году, уже назывались студентами).

На летний семестр была намечена экскурсия подмастерьев в Москву, экскурсия по приезде из Москвы на побережье, в горы и к морю на этюды. Помимо экскурсий планировались и летние практические работы в мастерских — выполнение декоративных работ по плакату и стенной живописи, а также работа по эскизам студентов и этюды в окрестностях Краснодара [ГАРФ, ф. 1565, оп. 9, д. 40, л. 12 об.].

В планах на следующий учебный год была организация в мастерских архитектурного факультета (эта задача была поручена А. П. Вайтенсу и А. А. Юнгеру) [Там же, л. 50] и расширение существующих мастерских, для чего в центр была направлена просьба прислать новых руководителей (двух живописцев и одного скульптора), а также отпустить мастерским коллекцию картин и рисунков для создания Музея мастерских [Там же, л. 13].

При этом мастерские в своей работе постоянно сталкивались с рядом трудностей как материального, так и организационного характера. Прежде всего, имеющееся помещение мастерских не соответствовало даже их текущим потребностям, не говоря уже о планах на будущее расширение. Кроме того, положение вузов в стране после Гражданской войны продолжало стремительно ухудшаться из-за усиливающегося экономического и продовольственного кризиса. Невыплата жалованья педагогам вузов, находившихся на государственном или местном бюджете, стала в 1921–1922 гг. повсеместным явлением [Ушмаева, с. 34–35]. Руководителям Екатеринодарских мастерских на местном уровне было отказано в академическом пайке Опродкомом, а студентам — в рабочем пайке, несмотря на распоряжение отдела ИЗО НКП, подтвержденное наркомом Луначарским. Другой проблемой стала неопределенность подчинения мастерских, в результате которой ни одной из претендующих на руководство ими организаций не выделялись средства ни на хозяйственные нужды мастерских, ни на жалованье педагогам. Трудности возникали и в результате отмены вступительных испытаний при приеме в мастерские — П. Краснов запрашивает у центра определение «минимума образовательного ценза, необходимого для Факультета Мастерских, так как без указания его возникает много недоразумений». Также он просит сообщать в Екатеринодар о ходе реформы художественного образования в столицах и присылать более точные планы реформирования мастерских, учебные программы и другие материалы, «если таковые выработаны» [ГАРФ, ф. 1565, оп. 9, д. 40, л. 13] — чтобы в реформировании Екатеринодарских ВГСХМ непрерывно ориентироваться на самые новые и прогрессивные образцы.

Екатеринодарские ВГСХМ просуществовали до 1922 г., а затем, как и большинство других региональных свободных мастерских, были преобразованы в художественный техникум [Малясова, с. 56]. Статус высшего учебного заведения в ходе новой реформы удалось отстоять только Московскому и Петроградскому ВХУТЕМАСам и — до 1925 г. — Казанскому художественно-практическому институту.

Руководителем Краснодарского художественного техникума стал художник А. И. Марин, также представитель академической художественной школы [Денисенко, Шабров, с. 5], участвовавший в свое время в создании Екатеринодарских СГХМ. Это позволило сохранить непрерывность художественной традиции школы в условиях ее новой реорганизации и понижения статуса.

Таким образом, история смелого эксперимента по созданию в Екатеринодаре Высших государственных свободных художественных мастерских длилась всего два года. Тем не менее, мы можем утверждать, что краткий период существования на Кубани высшей художественной школы внес определенный вклад в художественную жизнь региона. В условиях бушевавшей в регионе Гражданской войны и послевоенной разрухи руководству мастерских удалось не только удержать школу в стороне от политического конфликта, но и успешно сочетать принятие новых методов и систем советского художественного образования с сохранением традиций классической художественной школы. (Кстати, именно то, что развитие художественного образования в регионе определилось в сторону предпочтения неавангардных направлений, сильно помогло ему впоследствии, в 1930-е и предвоенные годы, во время печально известной «борьбы с формализмом».) В рассматриваемый же период Екатеринодарские СГХМ сосредоточили вокруг себя всю городскую художественную жизнь и за отпущенный им краткий период не просто не дали ей заглохнуть, но и вывели ее структурно и организационно на максимально прогрессивный для того периода уровень — что сегодня кажется почти невероятным, если представить себе те трудности, которые по ходу дела приходилось преодолевать. Именно период СГХМ дал начало современной государственной системе художественного образования, прямым наследником которой сегодня является Краснодарское художественное училище.

---

*Алексеев Е. П.* «Разбитые гипсы». Уполномоченные Екатеринбургских и Пензенских СГХМ Анна Боева и Петр Соколов: оценки современников // Реабилитация жилого пространства горожанина : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. им. В. Татлина, 19–20 февраля 2013 года / ред. Е. Г. Лапшина. Пенза : ПГУАС, 2013. С. 345–351.

*Аравин О. Ф.* Музыкальное и художественное профессиональное образование досоветской Кубани [Электронный ресурс] // Кубанское казачье войско, 2011. URL: http://www.slavakubani.ru/education/cossack-history-education/detail.php?ID=3285&page=1 (дата обращения: 12.02.2014)

ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 9. Д. 40.

*Денисенко В. И., Шабров А. С.* Становление художественного и художественно-педагогического образования на Кубани [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/12/pedagogika/denisenko-shabrov.pdf (дата обращения: 25.05.2015)

*Лисовский В. Г.* Архитектурные мастерские Академии художеств в годы революции и гражданской войны // Архитектурное наследство. Вып. 59. М. : РААСН, 2013. С. 239–253.

*Малясова Г. В.* Противостояние старого и нового: Костромские государственные свободные художественные мастерские // Ярославский педагогический вестник. 2015а. № 2. Т. 1 (Культурология). С. 182–186.

*Малясова Г. В.* Свободные государственные художественно-промышленные мастерские — попытка построения новой системы художественного образования в России (1918 — нач. 1920-х гг.)

// Теория искусства, традиционная культура и творческий процесс: Тенденции научных исследований, проблемы терминологии, исторические и междисциплинарные аспекты развития дизайна, декоративно-прикладного и народного искусства и архитектуры, опыт художественно-промышленных школ : материалы Междунар. науч. конф. к 190-летию МГХПА им. С. Г. Строганова и к 100-летию П. А. Тельтевского 20 марта 2015 / ред. А. Н. Лаврентьев. М. : МГХПА, 2015б. С. 51–56.

Советское искусство за 15 лет: Материалы и документация / под ред., с ввод. ст. и примеч. И. Маца ; сост. И. Маца, Л. Рейнгардт, Л. Ремпель. М. ; Л. : ОГИЗ, 1933.

*Ушмаева К. А.* Культура и быт преподавателей и студентов России в 1920-е гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2006. № 3–4. С. 34–40.

*Филиппова А. Л.* Краснодарское художественное училище: Сто лет истории, 1911–2011. Краснодар : Плехановец, 2011.

*Штеренберг Д. П.* Отчет о деятельности Отдела Изобразительных искусств Наркомпроса // Изобразительное искусство. 1919. № 1. С. 50–81.

*Статья поступила в редакцию 27.06.2015 г.*

**Малясова Галина Владимировна**
научный сотрудник
Московский архитектурный институт
(Государственная академия)
107031, Москва, ул. Рождественка, 11/4,
корп. 1, стр.4
E-mail: maliasova@mail.ru

**Malyasova, Galina Vladimirovna**
Research Fellow
Moscow Institute of Architecture
(State Academy)
11/4, block 1, build. 4, Rozhdestvenka Str.,
107031 Moscow, Russia
E-mail: maliasova@mail.ru

## YEKATERINODAR FREE HIGHER STATE ART WORKSHOPS BETWEEN 1920 AND 1922

Referring to archival documents, the author attempts to make the first ever reconstruction of the history of the first higher school of art in Kuban — Yekaterinodar (Kuban) Free Higher State Art Workshops, as part of a national project to create a network of art schools of a new type. Based on the discovered and carefully analyzed sources, the author reveals the essence of this experiment, traces the stages of its development, and uncovers its origins, arguing that it did not arise as a wave of "revolutionary romanticism", but rather resulted from the objective requirements of the new era, that had been emerging and forming in the late 19th — early 20th centuries. Along with the consistent presentation of the history of the reform of the workshops, the article shows a number of its striking regional features, such as a successful combination of continuity of pre-revolutionary schools traditions with active adoption of innovative principles of the Free State Art Workshops, as well as the complete absence of political motives, ideas and conflicts in the school reform, quite untypical of the period of the Civil War in Russia. One of the main purposes of the author is to try and prove that the period of the Free State Art Workshops gave rise to the modern state system of art education, whose successor today is the Krasnodar Art College. The author specifically emphasizes the contribution of Peter Stepanovich Krasnov to the transformation of the Kuban art school into free workshops, as he was head of the school as of its establishment in 1911 and did a lot not only for its conservation, but also for its consistent and continuous state of the art development, regardless of the political and ideological changes in the country.

K e y w o r d s: Free State Art Workshops; history of art education; Yekaterinodar (Kuban) Free Higher State Art Workshops; Kuban; Yekaterinodar.

Alekseev, E. P. (2013). «Razbitye gipsy». Upolnomochennye Ekaterinburgskikh i Penzenskikh SGKHM Anna Boeva i Petr Sokolov: otsenki sovremennikov ["Broken Plaster Casts". Anna Boyeva and Pyotr Sokolov, Authorized Representatives of the Yekaterinburg and Penza Free State Art Workshops: Assessments of Contemporaries]. In E. G. Lapshina (Ed.), *Reabilitatsiya zhilogo prostranstva gorozhanina: materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. im. V. Tatlina, 19–20 fevralya 2013 goda* [A Rehabilitation of the Citizen's Living Space: Proceedings of the 9th V. Tatlin International Academic Conference, 19–20 February, 2013] (pp. 345–351). Penza: PGUAS. (In Russian)

Aravin, O. F. (2011). Muzykal'noe i hudozhestvennoe professional'noe obrazovanie dosovetskoj Kubani [Professional Musical and Artistic Education in Pre-Soviet Kuban]. In *Kubanskoe kazach'e vojsko* [Kuban Cossacks]. Retrieved from http://www.slavakubani.ru/education/cossack-history-education/detail.php?ID=3285&page=1 (In Russian)

Denisenko, V. I., & Shabrov, A. S. (2013). Stanovlenie hudozhestvennogo i hudozhestvenno-pedagogicheskogo obrazovaniya na Kubani [The Establishment of Art and Artistic and Pedagogical Education in Kuban]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 12*. Retrieved from http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/12/pedagogika/denisenko-shabrov.pdf (In Russian)

Filippova, A. L. (2011). *Krasnodarskoe hudozhestvennoe uchilishche: Sto let istorii 1911–2011* [Krasnodar Art College: One Hundred Years of History 1911–2011]. Krasnodar: Plehanovets. (In Russian)

Lisovskij, V. G. (2013). Arhitekturnye masterskie Akademii hudozhestv v gody revolyucii i grazhdanskoj vojny [Architectural Workshops of the Academy of Arts during the Years of Revolution and Civil War]. *Arhitekturnoe nasledstvo, 59,* 119–126. (In Russian)

Maca, I., Rejngardt, L., & Rempel, L. (Ed). (1933). *Sovetskoe iskusstvo za 15 let. Materialy i dokumentaciya* [Soviet Art for 15 Years: Materials and Documentation]. Moscow; Leningrad: OGIZ. (In Russian)

Malyasova, G. V. (2015a). Protivostoyanie starogo i novogo: Kostromskie gosudarstvennye svobodnye khudozhestvennye masterskie [Confrontation of the Old and the New: Kostroma Free State Art Workshops]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2, vol. 1 (Kul'turologiya)*, 182–186. (In Russian)

Malyasova, G. V. (2015b). Svobodnye gosudarstvennye hudozhestvenno-promyshlennye masterskie — popytka postroeniya novoj sistemy hudozhestvennogo obrazovaniya v Rossii (1918 — nach. 1920-h gg.) [Free State Art and Industry Workshops — An Attempt to Build a New System of Art Education in Russia (1918 — Early 1920s)]. In A. N. Lavrentiev (Ed.), *Teoriya iskusstva, tradicionnaya kul'tura i tvorcheskij process. Tendencii nauchnyh issledovanij, problemy terminologii, istoricheskie i mezhdisciplinarnye aspekty razvitiya dizajna, dekorativno-prikladnogo i narodnogo iskusstva i arhitektury, opyt hudozhestvenno-promyshlennyh shkol. Materialy Mezhdunar. nauch. konferencii k 190-letiyu MGHPA im. S. G. Stroganova i k 100-letiyu P. A. Tel'tevskogo 20 marta 2015* [The Theory of Art, Traditional Culture and Creative Process: Trends of Research, Issues of Terminology, Historical and Interdisciplinary Aspects of the Design, Arts, Crafts and Folk Art and Architecture, the Experience of Art and Industry schools: Proceedings of the International Academic Conference for the 190th Anniversary of the Moscow State Stroganov Academy of Industrial and Applied Arts and the 100th Birthday Anniversary of P. A. Teltevsky, 20 March, 2015] (pp. 51–56). Moscow: MGHPA. (In Russian)

Shterenberg, D. P. (1919). Otchet o deyatel'nosti Otdela Izobrazitel'nykh iskusstv Narkomprosa [A Report on the Activities of the Department of Fine Arts of the People's Commissariat]. *Izobrazitel'noe iskusstvo, 1*, 51–83. (In Russian)

Ushmaeva, K. A. (2006). Kul'tura i byt prepodavatelej i studentov Rossii v 1920-e gg. [The Culture and Life of Teachers and Students of Russia in the 1920s]. *Golos minuvshego. Kubanskij istoricheskij zhurnal, 3–4*, 23–40. (In Russian)

*Received 27 June 2015*